

КУЛЬТУРНОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК АТРИБУТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Э. Д. КОРКИЯ¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Раскрывается многоликая природа и содержание феномена культурного одиночества как важного и противоречивого духовного состояния человека и социального явления. Систематизированы теоретико-методологические концепции одиночества; раскрыто понятие и сущность феномена «культурное одиночество». В ходе анализа продемонстрирована неоднозначность, сложность данного феномена и показана специфика проявления культурного одиночества в различных формах социальной практики.

Ключевые слова: атомарность; всеобщая апатия; деформированный характер личности; идентичность; культурное одиночество; культурная среда; массовизация; смысловое пространство; социальность; цивилизационная система.

CULTURAL LONELINESS AS ATTRIBUTE OF A MODERN CIVILIZATION SYSTEM

E. D. KORKIYA^a

^aLomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

This article reveals the many-sided nature and content of the phenomenon of cultural loneliness as an important and contradictory spiritual state of a person and as a social phenomenon. The presented article systematizes the theoretical and methodological concepts of loneliness. The concept and essence of the phenomenon of «cultural loneliness» is revealed. In the course of the analysis, the ambiguity and complexity of this phenomenon were demonstrated and the specificity of the manifestation of cultural loneliness in various forms of social practice was shown.

Keywords: atomicity; general apathy; the deformed character of an individual; identity; cultural loneliness; cultural environment; massization; semantic space; sociality; civilization system.

Культурное одиночество, безусловно, несет в себе культурно-историческую ценность для современного общества. Оно ценно, поскольку предполагает момент творения. Это связано с тем, что в одиночестве личность формирует саму себя и творит культуру, создавая цельную систему норм и ценностей, включая произведения искусства.

Анализ проблемы культурного одиночества и рассмотрение феномена творца показывает, что,

безапелляционноверяясь социальным установкам, конкретное лицо утрачивает сущностное начало в виде эксклюзивного дара, представляющего собой «свободное благо». Кроме того, неизбежная потребность современников в саморефлексии и критичности мыслительного процесса позволяет сконструировать собственные мировоззренческие максимы и сформировать благоприятное пространство для проникновения образов интеграль-

Образец цитирования:

Коркия ЭД. Культурное одиночество как атрибут современной цивилизационной системы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:35–39.

For citation:

Korkiya ED. Cultural loneliness as attribute of a modern civilization system. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;4:35–39. Russian.

Автор:

Эка Демуриевна Коркия – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета.

Author:

Eka D. Korkiya, PhD (sociology); associate professor at the department of sociology of communication system, faculty of sociology.
ekakorkiya@mail.ru

ного прогресса в область личностных когний [1, с. 198]. Обозначенная рекомендация не приведет к санкциям в формате изоляции при становлении коллективной сознательности и толерантности. При этом стоит подчеркнуть, что в феноменологическом плане окружающий мир интерпретируется субъективно, однако уникальное позиционирование, имеющее рациональный стержень, в силу аподиктических причин так и остается не артикулированным. В то же время человек, оставаясь социальным элементом, способен при помощи майевтики экстраполировать иной взгляд на членов коммуникативного поля, преобразовывая тем самым окружающую контекстуальность.

Указанные характеристики явились продуктами модернизационных процессов, деформировавших социальную реальность на протяжении столетий. Конверсия всех сфер общественной жизни затронула и глубинные структуры человеческой природы.

Информационно-коммуникационные технологии прямо и непосредственно воздействуют на повседневную жизнь человека, определяя специфику и качество его труда, быта, досуга, образа жизни и даже мышления. Развитие информационных технологий трансформирует всю структуру коммуникативного опыта человека [2, с. 34]. Анонимность, обусловленная развитием опосредованных форм человеческого общения, допускает неоднозначную идентификацию объектов коммуникации. С развитием информационных технологий значительно уменьшается число живых межличностных контактов. Между тем, как отмечают психологи, для нормального самочувствия человеку необходим постоянный контакт с другими представителями близкой по духу социальной среды. Человек, проводящий много времени в киберпространстве, отвыкает от реальной действительности и начинает бояться непосредственного общения с себе подобными. Происходящая под влиянием развития информационных технологий индивидуализация общества приводит к быстрой легитимации социального одиночества как наиболее адекватного воплощения образа жизни индивидуализированной личности [3, с. 17]. Под влиянием информационных технологий возникает «интерактивное» одиночество, складывающееся на базе повышенной включенности индивида в виртуальный мир киберсообщества. Его специфика заключается в вытеснении живых социальных контактов контактами виртуальными.

Проблема самоидентификации как достижения сознания самостоительности индивида получила теоретическое оформление еще у классиков марксизма в понятии «отчуждение», пришедшего из немецкой классической философии. Это понятие используется и в более поздних марксистских теориях для осмысления таких явлений капиталистического общества, как утрата непосредственности

человеческого бытия, искажение и раздробление Я в самопрезентации, создание ложных образов себя и др. В свою очередь, одну из передовых мыслей по данному вопросу высказывал Э. Фромм, представитель «радикального гуманизма», «гуманистического психоанализа». По воззрениям ученого, каждому типу производственных отношений соответствует определенная ориентация. Так, «продуктивной ориентацией... отмечен тот тип характера, для которого рост и развитие всех потенций человека являются той целью, которой подчинены все его усилия» [4, с. 297]; непродуктивные ориентации – рецептивная, эксплуататорская, накопительская, рыночная. Сущностной чертой последней является «глубинное отношение к себе и к другим людям как к товару, ценность которого определяется меновой стоимостью» [4, с. 285]. Следовательно, актуальная экономическая система катализирует не только продажу собственных характерологических индивидуальных особенностей, но и производство значимых на «рынке личностей» черт.

И. Гоффман уделял особое внимание анализу способов адаптации к «сценарным» требованиям в целях получения выгод в процессе социальных взаимодействий. Актор, принимая ролевой диапазон, «маскируется», лишаясь объективных характеристик и растворяясь в пространстве ситуаций. Отсюда и метафора «спектакля», т. е. завораживающего «действия», которое стягивает к себе все взгляды и сознания, отдаляя «зрителей» друг от друга. Последние, в свою очередь, обеспечивают себе место в зале, внося свой вклад в процветание «общества потребления» [5, с. 92].

В указанном алгоритме одной из доминант является цифровая эпоха. Образы небытия, современные ценностные ориентиры, паттерны поведения, системы оценки и самооценки сообщаются «зрителям» изо дня в день по расписанию. Так, в сфере социологического анализа инициируется феномен опосредования образа Я, мимикрирующего в процессе публичного представления. Индивид начал ускользать от самого себя – и ему потребовались новые средства для самоуправления.

С наступлением цифровой эпохи, именуемой новым «спасителем», многие ответвления развивающегося кризиса получили инновационную платформу для форсированной интенсификации, в то время как представители человеческого рода не были готовы к столь кардинальным трансформациям [6, с. 23].

Интернет образует глобальное информационное пространство, служит физической основой для Всемирной паутины. В настоящее время интернет превратился в существенный фактор, влияющий на повседневность значительного числа людей. Интернет полифункционален: это не просто среда личностного и делового общения, но и во все большей степени

среда купли-продажи (электронной коммерции), а также развлечений. Вначале появление интернета способствовало увеличению количества одиноких. Виртуальное общение создало иллюзию насыщенной жизни, позволило реализовать себя в разных ипостасях, при этом отменив такой необходимый атрибут существования в обществе, как обязательство перед другими [7, с. 187]. Но в дальнейшем ситуация стала меняться в противоположную сторону. Количественные характеристики интернета перешли в качественные. В настоящее время возникает большое число самоорганизующихся сообществ. Многие интернет-сообщества носят конструктивный характер и нацелены на «оживление» интернет-пространства. Социокультурным следствием распространения информационных технологий становится возрастающее значение коммуникативности при изменении ее форм, опривычивание новых способов трудовой деятельности, досуга и новых методов поиска информации. Преодолеть одиночество помогают специальные клубы для общения, функционирующие в интернете. Люди с разнообразными интересами могут воспользоваться большим выбором порталов, например, чатами для подростков, бесплатными знакомствами [8, с. 81]. Благодаря интернету гораздо проще отыскать приятного собеседника для переписки, настоящую любовь или верного друга.

Примерно полвека назад телекоммуникационная революция дала старт многим процессам, зревшим уже несколько десятилетий. Экстраординарный уровень включенности аудитории в среду телевидения как массмедиа предоставил возможность для оформления единого информационного поля и возникновения всеобщего коммуникативного субстрата [9, с. 50]. Наблюдается крушение устоявшихся структур и становление совершенно нового, чрезвычайно подвижного социального контекста.

Индустриальное трансформируется в информационно-коммуникативное, что неоспоримо влечет за собой ряд последствий. В период транзита, когда индивид еще не выработал иммунитет к современным моделям поведения и способам общения, фрустрация окутывала социальную общность. Наименее приспособленные впадали в сомнамбулическое состояние, влияние которого наблюдается и сегодня. Все описанное – проявление затянувшегося процесса адаптации к нововведениям в нормативно-ролевом комплексе и к структурно реорганизованной действительности [10, с. 91]. В связи с самопровозглашением культа информации и знаний кадры стали покидать производственные отрасли и «оккупировать» сервисный сектор экономики; последовал логичный перевес в сторону сферы услуг. Состояние эквilibriumа окончательно приобрело статус недостижимого.

В XXI в. сфера влияния традиционных религиозных систем попирается современными формами,

однако алгоритм социализации не подвергся деформации извне. Следовательно, при неизменной обрядовой смысловой нагрузке модернизируются собственно акты. Из этого логично следует тот факт, что СМИ сегодня – ритуальное явление «индустриальной религии современности» [11, с. 18]. Попадая в зону потребления информации, зритель аккумулирует ее порционно. Так, он воспринимает спектр ролевых моделей поведения, ценностей, идеалов и норм. Осуществляя своего рода селекцию, индивид ради удовлетворения собственных интересов реализует определенные паттерны поведения.

Метамедиум задает социуму перцептивную модель, которая диктует «воспринимающим импульсы», как должен отражаться в них полученный материал. Таким образом фиксируется тотальное воздействие на человеческое сознание.

Подчиняя природу, человек создает искусственную среду обитания, которая впоследствии наделяется силой и становится способной управлять толпой. Возникшее технологическое общество использует «индустрию культуры», которая унифицирует сознание и бытие [12, с. 260]. Она представляет собой машину по производству стандартизированных продуктов в сфере искусства; являясь не основой духовного обогащения, а инструментом манипуляции, эксплуатирует массовые средства общения, которые проникли не только в область нашего познания внешней действительности, но и в область нашего самопознания. Это формула ложного мира, созданного и поддерживаемого массовыми средствами коммуникации. Примененная Платоном метафора о пещерных людях с годами лишь интенсивнее актуализируется. Так, не способные освободиться от оков, медиаиндивидуумы с детства воспринимают искаженную реальность, принимая при этом «тени за предметы действительности» [13, с. 285].

В социуме, заявленном свободным, на самом деле царит завуалированное господство системы. Научно-техническая революция изо дня в день создает ложные потребности в виде шикарных машин, одежды и других материальных благ, которые превращают людей в рабов общества потребления. Сегодня социально-культурная деятельность может рассматриваться как самостоятельная подсистема общей системы социализации, социального воспитания и образования людей. Она является важнейшей функцией государственных и негосударственных структур, сферой приложения усилий многочисленных общественных движений и инициатив, средством использования свободного времени различными группами населения. Современная социально-культурная деятельность не просто шире и многограннее прежней культурно-просветительской [14, с. 142]. Принципиально то, что в ее основе лежит упомянутая выше субъект-субъектная модель организации культуры, досуга, просвещения.

Таким образом, в ходе развернутого анализа проблемы культурного одиночества и подробного рассмотрения феномена творца было выявлено, что, безапелляционно веряясь социальным установкам, конкретное лицо утрачивает сущностное начало в виде эксклюзивного дара, представляющего собой «свободное благо». Кроме того, отмечалась неизбежная потребность современников в саморефлексии и критичности мыслительного процесса, которые позволяют сконструировать собственные мировоззренческие максимы и сформировать благоприятное пространство для проникновения образов интегрального прогресса в область когний. Обозначенная рекомендация не приведет к санкциям в формате изоляции при становлении коллективной сознательности и толерантности. При этом стоит подчеркнуть, что в феноменологическом плане окружающий мир интерпретируется субъективно, однако уникальное позиционирование, имеющее рациональный стержень, в силу аподиктических причин так и остается не артикулированным [15, с. 73]. В то же время человек, оставаясь социальным элементом, способен при помощи майевтики экстраполировать иной

взгляд на членов коммуникативного поля, преобразовывая тем самым окружающую контекстуальность.

Ценность человеческого капитала не поддается измерению – каждый актер есть исключительный оригинал, которому под силу овеществить любую идею, совершить гениальный прорыв, пройти титанические испытания, преодолеть все трудности [16, с. 220]. Поэтому концептуально важно пребывать в поиске себя, развивая и актуализируя Самость, несмотря на конвенциональные приоритеты, антропогенные бихевиористские конструкты и стереотипные когнитивные паттерны.

Таким образом, XXI в. ставит перед человеком множество гуманитарных проблем, от решения которых зависит не только судьба одного человека, но и будущее человечества в целом. Проблема самореализации личности в сложных современных социально-экономических условиях многогранна и требует углубленного изучения места и роли индивида в жизни общества. Чтобы выполнить эту задачу, человеку необходимы условия для творческого и интеллектуального развития, самовыражения, самореализации в любом виде деятельности.

Библиографические ссылки

1. Коркия ЭД. Институционализация перформансной коммуникации в современном социальном пространстве. Москва: Издательство МБА; 2011. 144 с.
2. Florida R. *The rise of the creative class*. New York: Harper Collins USA; 2016. 326 p.
3. Postman N. *The disappearance of childhood*. New York: Random House; 2014. 177 p.
4. Фромм ЭЗ. *Гуманистический психоанализ*. Лейбин ВМ, редактор. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 544 с.
5. Кларк А. *Черты будущего*. Берлин Я, Колтовой В, переводчики; Берлин Я, редактор. Москва: Мир; 2016. 288 с.
6. Bandura A, Ross D, Ross S. Transmission of aggression through imitation of aggressive models. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961 November;63:575–582. DOI: 10.1037/h0045925.
7. Королев АА. Личность в истории: гении и таланты. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014;4:219–225.
8. Ломброзо Ч. *Гениальность и помешательство*. Москва: Эксмо; 2003. 352 с. Совместное издание с Terra Fantastica.
9. Будон Р. Место беспорядка: Критика теорий социального изменения. Москва: Аспект Пресс; 1998. 284 с.
10. Гирц К. *Интерпретация культур*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2004. 560 с.
11. Гончаренко НВ. *Гений в искусстве и науке*. Москва: Искусство; 1991. 432 с.
12. Коркия ЭД, Мамедов АК. Коммуникативный статус личности: методология исследования. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018;2:33–41. DOI: 10.24158/spp.2018.2.6.
13. Платон. *Государство*. Егунов АН, переводчик. Москва: АСТ; 2019. 448 с.
14. Жоли А. *Психология великих людей*. Москва: URSS; 2014. 344 с. Совместное издание с ЛЕНАНД.
15. Грузенберг СО. *Гений и творчество. Основы теории и психологии творчества*. Москва: URSS; 1999. 261 с.
16. Экземплярский ВМ. *Проблема одаренности*. Москва: Русский книжник; 2016. 136 с.

References

1. Korkiya ED. *Institutsializatsiya performansnoi kommunikatsii v sovremennom sotsial'nom prostranstve* [The institutionalization of performance communication in the modern social space]. Moscow: Publishing House of IBA; 2011. 143 p.
2. Florida R. *The rise of the creative class*. New York: Harper Collins USA; 2016. 326 p.
3. Postman N. *The disappearance of childhood*. New York: Random House; 2014. 177 p.
4. Fromm EZ. *Gumanisticheskii psikhoanaliz* [Humanistic psychoanalysis]. Leibin VM, editor. Saint Petersburg: Peter; 2002. 544 p. Russian.
5. Clark A. *Cherty budushchego* [Features of the future]. Berlin Ya, Koltovoi V, translators; Berlin Ya, editor. Moscow: Mir; 2016. 288 p. Russian.
6. Bandura A, Ross D, Ross S. Transmission of aggression through imitation of aggressive models. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961 November;63:575–582. DOI: 10.1037/h0045925.
7. Korolev AA. Personality in the history: geniuses and talents. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2014;4:219–225. Russian.

8. Lombroso C. *Genial'nost' i pomeshatel'stvo* [Genius and insanity]. Moscow: Eksmo; 2003. 352 p. Co-published by the Terra Fantastica. Russian.
9. Budon R. *Place of disorder: a critique of theories of social change*. Moscow: Aspect Press; 1998. 284 p. Russian.
10. Girts K. *Interpretation of cultures*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2004. 560 p. Russian.
11. Goncharenko NV. *Genii v iskusstve i nauke* [Genius in art and science]. Moscow: Iskusstvo; 1991. 432 p. Russian.
12. Korkiya ED, Mamedov AK. Communicative status of the personality: the research methods. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2018;2:33–41. DOI: 10.24158/spp.2018.2.6.
13. Plato. *Gosudarstvo* [State]. Egunov AN, translator. Moscow: AST; 2019. 448 p. Russian.
14. Joli A. *Psikhologiya velikikh lyudei* [Psychology of great people]. Moscow: URSS; 2014. 344 p. Co-published by the LENARD. Russian.
15. Gruzenberg SO. *Genii i tvorchestvo: osnovy teorii i psikhologii tvorchestva* [Genius and creativity: Fundamentals of the theory and psychology of creativity]. Moscow: URSS; 1999. 261 p. Russian.
16. Ekzemplarsky VM. *Problema odarennosti* [The problem of giftedness]. Moscow: Russkii knizhnik; 2016. 136 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.09.2019.
Received by editorial board 30.09.2019.